

УДК 94(47).084.8

ОСВЕЩЕНИЕ ОТКРЫТОГО СУДА НАД НАЦИСТСКИМИ ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ В НОВГОРОДЕ (ДЕКАБРЬ 1947 ГОДА)

Д.Ю.Асташкин

MEDIATIZATION OF OPEN TRIAL AGAINST NAZI WAR CRIMINALS IN NOVGODOD (DECEMBER 1947)

D.Yu.Astashkin

Гуманитарный институт НовГУ, strider-da@mail.ru

Исследованы особенности освещения открытого суда над 19 нацистскими военными преступниками в Новгороде. Вопрос изучен по материалам всесоюзных и областных газет. Классифицируются материалы о суде, анализируется их стиль и структура.

Ключевые слова: *антисемитизм, пропаганда, СССР, нацисты, коллаборационизм, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, Холокост, пресса*

The article is devoted to the mediatization of the trial against 19 Nazi war criminals in Novgorod. The article investigates materials in central and regional press. Materials about the tribunal are classified, their style and structure is analysed.

Keywords: *propaganda, USSR, Nazi, World War, Great Patriotic war, press, war criminals, war crimes trial, tribunal*

Печальной памятью известны военные преступления нацистов на Новгородской земле. Меньше известно о конкретных военных преступниках и о том как их судили в Новгороде (декабрь 1947). Это был последний в РСФСР открытый суд над немецкими военными преступниками, после декабря 1947 года их судили только в закрытом режиме. Парадокс в том, что процесс был публичным именно для широкой демонстрации идеи справедливого возмездия. Спустя поколения о преступлениях помнят, о наказании – нет. Возможно, это забвение вызвано отсутствием культурного следа. О суде в Новгороде, в отличие от крупных городов, не сняли кинохроники, не издали брошюру, о нем молчали писатели. Все 54 тома уголовного дела были засекречены (обычная советская практика по таким делам) и хранятся в центральном архиве МГБ.

Зал суда (здание городского театра в новгородском кремле) вмещал около 250 зрителей, а желающих узнать о ходе заседаний было гораздо больше. Так что наиболее доступным источником знаний о суде были материалы СМИ. Это же соответствовало решению Совета министров СССР № 3209-1046сс от 10 сентября 1947 о проведении процессов против участников злодеяний на территории Советского Союза и подробном освещении хода судебных процессов против немецко-фашистских участников карательных органов в прессе [1].

Работу по освещению Новгородского процесса курировала председатель Чрезвычайной государственной комиссии (далее — ЧГК) в Новгороде Л.И.Куприяновой. Она заранее отправила письма на имя ответственных редакторов об отправке корреспондентов, также она договорилась об организации этих командировок с секретарями обкомов ВКП(б) (Псковская, Великолукская, Ленинградская область). Всего на суде работали 12 корреспондентов из ТАСС

и газет «Правда», «Известия», «Ленинградская Правда», «На страже Родины», «Псковская правда», «Великолукская правда», «Новгородская правда», заочно о процессе писали «Вечерний Ленинград» и «Смена». Также предполагалось участие внештатных авторов его в освещении: «В Новгороде с бригадами от каждой делегации было проведено совещание о проведении докладов на местах о судебном процессе, их участии в печати, по приезде с процесса» [2].

Журналисты, работавшие на Новгородском процессе, не публиковали своих мемуаров. Поэтому об их отношении к военным преступникам и преступлениям можно судить только на основании публикаций газет того времени и высказываниям в здании суда, зафиксированных агентами УМГБ.

Так, выполняя директиву МГБ и МВД [3], УМГБ подробно информировало центр о настроениях населения в ходе заседаний и, в частности, сделало 4 спецсообщения, где собрало 55 «наиболее характерных высказываний» о Новгородском процессе [4]. Подчеркнем, что новгородцы высказывались для своих знакомых, их слова фиксировались агентами тайно. Судя по этим спецсообщениям УМГБ, журналисты по-разному реагировали на процесс. Сотрудник газеты «Новгородская правда» Б.Тютяев высказался кратко: «Жаль, что отменили смертную казнь для таких палачей» [4. Л. 35]. Об этом же он писал и в репортаже: «Их вина велика и наказание должно быть сурово!» [5]. А его коллега — фотокорреспондент «Новгородской правды» П.Махов — признавал зверства подсудимых, но искал им оправдания в действиях Гитлера и партизан: «Я не нахожу здесь большой вины со стороны немцев. Была война и попробуй не выполнить приказ начальства, так и самого расстреляют. Над этими генералами, которых сейчас судят, были еще старшие начальники. Тут надо судить Гитлера — он всему виновник. Притом немцы так звер-

ствовали потому, что на них партизаны нападали — значит, борьба. А вот я был в Шимском районе за Шелонью, так там ни одного плохого слова про немцев не слышал. Наоборот, даже хвалят, что немцы хорошо относились. Население не трогали, даже своих лошадей и людей давали обрабатывать землю, а налоги брали небольшие» [4. Л. 36]. Судя по данным МГБ, что большинство присутствующих на процессе поддержали обвинение.

Л.И.Куприянова прямо влияла и на тексты СМИ: «Со всеми корреспондентами в ходе всего судебного процесса у нас был полный контакт в работе над разработкой материала. Совместно с ними оформлялись материалы процесса» [2]. Из-за нехватки источников неясна степень влияния власти и редакторов на содержание материалов о процессе. Поэтому возьмем за гипотезу, что журналисты (пусть и при помощи ЧГК) готовили публикации более-менее самостоятельно, руководствуясь своими патриотическими чувствами и идеологическими установками. Кроме того, авторы могли вдохновляться материалами газеты «Правда» о других открытых судах — в особенности, стилистикой освещения Нюрнбергского процесса (о нем писали лучшие журналисты страны). Напомним также, что все советские СМИ цензурировались.

Важно проанализировать материалы о суде в прессе. Ведь именно газеты были наиболее массовым СМИ того периода, использовались агитаторами для чтений вслух. Объем настоящей статьи не позволяет изучить все материалы всех газет, остановимся подробно лишь на единственном областном печатном СМИ «Новгородской правде» (даже новгородское радиовещание часто строилось на ее материалах). С 7 по 21 декабря 1947 года в ней вышло 14 объемных текстов: акт о вскрытии захоронений, обвинительное заключение, стенограммы суда, репортажи, эссе, отчеты. Они сопровождалась фотографиями и даже карикатурами на обвиняемых.

Еще до открытия процесса «Новгородская правда» опубликовала 3 декабря несколько больших материалов об обнаружении массовых захоронений у деревни Жестяная Горка, это стало важным пунктом обвинительного заключения. Контрастно подчеркивались как безвинность жертв, мученический характер их смерти, так и жестокость исполнителей казни и их начальства [6]. Автор статьи активно дегуманизировал оккупантов, сравнивая их с животными: «Особую, зоологическую, ненависть питали немецкие фашисты к народам славянских стран, а более всего к русским людям»; «Осуществляя свою человеконенавистническую расовую теорию, главарь установили в завоеванных странах самый зверский оккупационный режим» [6]. Материалы о злодеяниях у деревни Жестяная Горка готовили новгородскую аудиторию к процессу над военными преступниками.

Публикация документов процесса (например, обвинительного заключения следствия) в «Новгородской правде» сопровождалась эмоциональными репортажами корреспондентов, рисовавших крайне непривлекательный образ подсудимых (и оккупантов в целом). Вот как они назывались в рамках только одного материала о процессе: «озверевшие фашистские выкормыши», «убийцы и насильники», «фашистские варвары», «изверги», «немецко-фашистские мерзавцы», «матерые гитлеровские разбойники» [7].

Для формирования негативного образа авторы использовали даже описание внешности подсудимых:

«Исподлобья, маленькими заплывшими глазами смотрит куда-то в сторону Руппрехт Фридрих, когда председательствующий, читая обвинительное заключение, раскрывает его зверства. Этот баварец с массивными челюстями гориллы полностью воплотил в своем физическом и нравственном облике известное желание Гитлера — видеть в каждом немце дикого зверя» [7]. Внешность осужденных стала материалом также для карикатуриста «Ленинградской правды» В.Гальба, чьи карикатуры публиковали «Новгородская правда» и «Псковская правда». Так, два материала о вынесении приговора сопровождалась шестью шаржами, героями их стали подсудимые Фишер, Хаунспергер, Винтер, Герцог, Руппрехт, Зассе [8]. Уточним, что большинство новгородцев видело этих военных преступников только на мутных общих фотографиях, поэтому аудитория с особым интересом читала словесные описания репортеров и изучала данные шаржи.

На примере генерала Курта Герцога (среди пунктов его обвинения был и демонтаж памятника «Тысячелетие России»), в статье «Грабитель в генеральском мундире», автор Б.Тютяев анализировал значение понятия «фашистские варвары»: «В свое время Гитлер упорно вбивал в головы немцев, что совесть, честность, культура — пустые понятия для человека “избранной арийской расы”. Он твердил: “Мы — варвары и мы хотим быть варварами. Это почетное звание”. И гитлеровцы были такими варварами» [5].

В репортажах с заседаний суда важное место занимали рассказы новгородцев, чудом избежавших расстрелов. Подобные свидетельства, с при-вязкой к конкретным фамилиям, датам и местам совершенных преступлений, звучали на суде в отношении каждого обвиняемого и, частично, публиковались газетами.

Всего на процессе выступило более 30 свидетелей из Великолукской, Псковской и Новгородской областей. Судя по материалам «Новгородской правды», их показания очень трогали публику и сопровождалась возгласами волнения из зала. В репортажах описана реакция зала и на слова обвиняемых: «Прокурор: Сколько же советских людей было расстреляно при Вашем участии? Кайрат: Примерно 30 штук. Гул возмущения прокатывается по залу, когда переводится этот ответ Кайрата. Оказывается, этот гитлеровец настолько разложился, стал профессиональным убийцей, что уничтоженных советских граждан считает на шутики. И это не оговорка, ибо на следующий вопрос прокурора — о количестве арестованных, Кайрат также равнодушно отвечает, что он лично арестовал 50—60 штук советских граждан» [9].

Помимо газет материалы процесса транслировались по радио в Новгороде, Пскове. Великих Луках, Ленинграде. Выступала по радио и сама Л.И.Куприянова: «Мною был разработан и сделан по радио в городе Новгороде доклад о судебном процессе. После доклада было прочтено стихотворение местного поэта Н.Борисова «К ответу», который все дни присутствовал на процессе» [10]. Поскольку это стихотворение Н.Борисова звучало только по новгородскому радио и не публиковалось (его машинописный текст лишь недавно было выявлен для этой статьи профессором Б.Н.Ковалевым), нам кажется важным его кратко охарактеризовать. Текст в 68 строк начинается с негативной характеристики подсудимых: «Нахальные рожи, /Кровавые псы, / На скамье подсудимых / Сидят подлецы / У озера Ильмень, / Над Волхов-рекой / Они наш нарушили/ Труд и покой».

Затем следует часть о расхищении и разрушении культурных ценностей: фресок, куполов соборов, памятника «Тысячелетие России». После — краткая часть о военных преступлениях подсудимых: «Их путь — это кровь, / Кровь невинных людей, / Сжигаемые живыми наших жен / И детей, / Расстрелы и пытки / Отцов, матерей / За слезы страданий / — К ответу скорей». Этим же рефреном «К ответу, к ответу, / Прощенья им нет!» стихотворение заканчивается [10].

Киносъемка Новгородского процесса не производилась, причины этого нам пока неизвестны. Однако по указанию Л.И.Куприяновой в Ленинграде на фабрике «Кинохроника» был смонтирован документальный киночерк «Зверства и разрушения немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной ими территории Новгородской и Псковской областей». Для делегатов и свидетелей Новгородского процесса был организован специальный просмотр этого фильма, а также киночерков «Разрушение гг. Петро дворца (Петергофа), Павловска, Гатчины» и фильма «Ленинград в блокаде». Эти фильмы демонстрировались также в городских кинотеатрах для населения [2].

Освещение важных событий в сталинской прессе обычно сопровождалось публикацией откликов граждан, это было формальной «обратной связью», а на практике — публичным выражением лояльности. Однако ни в центральной прессе, ни в «Новгородской правде» реакция граждан на Новгородский процесс опубликована не была. Мы можем это объяснить отсутствием прямых указаний властей и плотным информационным потоком декабря 1947 года: выборы в Верховный совет СССР и денежная реформа. Эти два события заполнили все страницы «Новгородской правды», в них активно приводились позитивные отклики граждан о выборах и реформе.

Об итогах процесса было опубликовано только одно мнение (оно же стало последним материалом по теме суда в «Новгородской правде») — представительницы ЧГК в Новгороде Л.И.Куприяновой [11]. После эмоционального перечисления военных преступлений на Новгородской земле, зафиксированных актами ЧГК, она писала о всеобщей поддержке приговора: «Единодушным одобрением был встречен приговор присутствовавшими представителями трудящихся Новгорода. К этому чувству присоединяется каждый ленинградец, это чувство разделяет весь советский народ» [11]. В финале ее текст переходил на новые идеологические темы, которыми был полон остальной номер газеты: «Доказательством возрастающей силы нашей страны служит проводимая денежная реформа и отмена карточной системы. В день выборов в местные советы депутатов трудящихся весь советский народ продемонстрирует свою преданность партии, правительству и великому вождю товарищу Сталину, напомним всем поджигателям войны, что никогда и никому не удастся нарушить наше мирное строительство!» [11]. Так в тексте выстраивалась идеологическая связь: справедливое возмездие объединяет народ и открывает ему путь к полноценной мирной жизни.

Обо всех открытых процессах 1943-1949 над военными преступниками года писали всесоюзные СМИ, суду в Новгороде было посвящено пять материалов. Газета «Известия» опубликовала одну заметку ТАСС о приговоре и три репортажа специального корреспондента Б.Чертоква, переданные по телефону [12]. В двух текстах Б.Чертоква подробно рассказывал

о намерениях генерала Герцога увести по кускам памятник «Тысячелетие России», в третьем репортаже — о преступных приказах генерала Руппхейта по уничтожению деревень между полосами отступления. А вот в «Правде» была опубликована всего одна короткая новостная заметка 19 декабря 1947 г. «Суд над гитлеровскими палачами в Новгороде». Заметим, что неравномерно освещались и другие открытые суды декабря 1947 — например, суд в Гомеле.

В итоге этот недостаток работы всесоюзной печати заметила и власть. Министр МВД С.Круглов писал министру иностранных дел В. Молотову: «Проведённым в конце 1947 года процессам было, однако, уделено крайне мало внимания в центральной прессе. Дела судебных процессов против немецко-фашистских преступников включают в себя ряд кадровых генералов бывшей немецкой армии самого высокого ранга и могут предложить опытному советскому журналисту богатый материал для политически остро и убеждённо описания карательной политики Советского Союза по отношению к высланным военным преступникам» [1]. На Новгородском процессе были осуждены два кадровых генерала, и, тем не менее, из «опытных советских журналистов» о них написал только один специальный корреспондент «Известий» Б.Чертоква. Возможно, из-за недостаточного освещения на центральном уровне мы мало пока знаем об этом последнем открытом суде над немецкими военными преступниками в России.

Работа выполнена при поддержке Российской государственной гуманитарной научной фонды (проект № 14-11-53003).

1. Письмо министра внутренних дел СССР С.Круглова, № 1835 от 9 апреля 1948 В.Молотову. Цит. по: Hilger A. Sowjetische Justiz und Kriegsverbrechen. Dokumente zu den Verurteilungen deutscher Kriegsgefangener, 1941—1949 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2006. № 54. S. 502.
2. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 8557. Оп. 6. Д. 1118. Л. 6-9.
3. Архив управления ФСБ по Новгородской области (далее — АУФСБНО). Ф. 9. Оп. 4. Д. 7. Л. 63. Директива МГБ и МВД в областные управления об организации процесса над немецкими военными преступниками.
4. АУФСБНО. Ф. 9. Оп. 2. Д. 12.
5. Тютчев Б. Грабитель в генеральском мундире // Новгородская правда. 14 декабря 1947 г. № 246 (759).
6. Новгородская правда. 3 декабря 1947 г., № 239 (752).
7. Новгородская правда. 9 декабря 1947 г., № 242 (755).
8. Новгородская правда. 20 декабря 1947 г., № 251 (764).
9. Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Новгородской и Псковской областей // Новгородская правда. 12 декабря 1947 г., № 244 (757).
10. ЦГА СПб. Ф. 8537, Оп. 6, Д. 1117. Л. 68-69. Стихотворение новгородского поэта Николая Борисова «К ответу».
11. Куприянова Л. Справедливый приговор народа // Новгородская правда. 21 декабря 1947 г., № 252 (765).
12. Известия. 10 декабря 1947 г., № 289 (9511); Известия. 12 декабря 1947 г., № 291 (9513); Известия. 16 декабря 1947 г., № 295 (9517); Известия. 19 декабря 1947 г., № 298 (9520).

References

1. Letter from the Minister of Internal Affairs S.Kruglov, № 1835 ot 9 aprilja 1948 V. Molotovu. Source: Hilger A. Sowjetische Justiz und Kriegsverbrechen. Dokumente zu den Verurteilungen deutscher Kriegsgefangener, 1941—1949.

- Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, no. 2006, 54, p. 502.
2. The Central State Archive of St. Petersburg (CGA SPB). F. 8557, Op. 6 D. 1118. L. 6-9.
3. Archive of the FSB in the Novgorod region (AUFNBNO). F. 9. Op. 4. D. 7. L. 63.
4. AUFNBNO. F. 9. Op. 2. D. 12.
5. Tjutjaev B. Grabitel' v general'skom mundire [Robber in a general's uniform]. Novgorodskaja pravda, 14 December 1947, no. 246 (759).
6. Novgorodskaja pravda, 3 December 1947, no. 239 (752).
7. Novgorodskaja pravda, 9 December 1947, no. 242 (755).
8. Novgorodskaja pravda, 20 December 1947, no. 251(764).
9. Novgorodskaja pravda, 12 December 1947, no. 244 (757).
10. CGA SPB. F. 8537, Op. 6, D. 1117. L. 68-69. The poem is the poet Nikolai Borisov "To answer".
11. Kuprijanova L. Spravedlivyj prigovor naroda [fair verdict of the people of Novgorod]. Novgorodskaja pravda, 21 December 1947, no. 252 (765).
12. Izvestija, 10 December 1947, no. 289 (9511); Izvestija, 12 December 1947, no. 291 (9513); Izvestija, 16 December 1947, no. 295 (9517); Izvestija, 19 December 1947, no. 298 (9520).